

ОБЪЕКТИВНОСТЬ И ИСТИННОСТЬ В ИСТОРИИ

V.M. Shlykov

THE OBJECTIVE NATURE AND REAL TRUTH IN HISTORY

Объективность и истинность исторического познания давно являются одними из самых обсуждаемых и спорных тем философии истории. «Со времени окончания Второй мировой войны, – замечает известный философ Ф.Р. Анкерсмит, – центральное место в исторической теории занимают две темы: проблема исторической истины и исторической репрезентации, или повествования» [1].

В свою очередь, И.М. Савельева, А.В. Полежаев пишут: «С древности до недавнего времени важнейшей задачей исторического знания и, соответственно, задачей историков (независимо от того, какой конкретный смысл придавался слову “история”), считалось достижение “объективной истины”: историк должен “говорить правду”, т.е. писать о том, что “было на самом деле”... В последние десятилетия ситуация существенно изменилась, и упоминания о том, что исторические дискурсы должны быть истинными, почти не встречаются в литературе. Причиной ослабления внимания к проблеме истины стала прежде всего существенная общая релятивизация данного понятия и ряда связанных с ним понятий» [7].

Действительно, в настоящее время истина стала пониматься как результат выполнения определенных научных процедур и правил или как характеристика способа деятельности с объектом. Поэтому, как было сказано, произошла релятивизация истины. В постмодернизме, например, нет уже субъекта и объекта, поэтому нет смысла в самом понятии «объективность». Но все же понятие «объективная истина» сохраняет свое регулятивное значение.

Как видим, мнения расходятся. Мы разделяем точку зрения Анкерсмита, который полагает, что проблема истины не может исчезнуть из

методологических дискуссий, поскольку концентрирует в себе почти все остальные проблемы историографии.

Что мы будем понимать под термином «объективность»?

«Классическая традиция европейской гносеологии, идущая от Аристотеля и Декарта, полагает объективность идеалом знания. Этот идеал имеет два взаимосвязанных, но различных смысла. Во-первых, объективно знание, которое “совпадает” со своим объектом... Во-вторых, объективным считается знание, из которого устранено всё, что в процессе его получения связано с субъектом и средствами его познавательной деятельности» [6].

Но возможно ли отделить знание от процесса его получения, от процедур познавательной деятельности, от конкретного, исторического субъекта, наконец? Конечно, нет! Ведь все знание есть в конечном счете человеческое знание, некий артефакт, который не может существовать независимо от человека, хотя бы по форме своего выражения.

Сама по себе реальность, историческое прошлое ничего «не говорят». Они «говорят» тому, кто их «спрашивает» и сообразно с тем, как спрашивает, на каком «языке», исходя из каких целей, желаний, установок. Можно сказать, что прошлое «говорит» с нами на нашем языке, а не на «своем собственном». Познавая мир, мы видим в нем свое отражение, конструкции нашей науки [8].

Классические наука и философия отождествляли объективность и объектность. Задача состоит в том, чтобы преодолеть иллюзию объективного мышления и показать, что объективность познания вовсе не должна исключать субъективных характеристик познающего индивида. «Теория рациональности (научной рациональности), – отмечает Порус, – должна включить в свое рассмотрение единство (не декларируемое, а реаль-

¹ Кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии НОУ ВПО «Российский новый университет».

© Шлыков В.М., 2014.

ное) субъективности и объективности, должна поставить во главу угла смысловую сопряженность этих понятий. Это должно затронуть такие понятия, как «истинность», «факт», «теория», «метод», «адекватность целей и средств познания» и многие другие» [6].

В таком случае гносеологические понятия и категории должны быть наполнены социальными смыслами.

По нашему мнению, речь, конечно, не должна идти о полном отказе от субъект-объектной гносеологии в ее классическом варианте, поскольку она продемонстрировала (и продолжает демонстрировать) чрезвычайно высокую эффективность. Дело даже не в эффективности такого подхода, а в его недостаточности, узости не только для философской рефлексии, но и для целого ряда социально-гуманитарных наук, в том числе истории.

Что касается истины, то мы будем придерживаться классического ее понимания с элементами прагматизма в трактовке критерия истины. Однако, как известно, не все философы разделяют эту точку зрения. Например, тот же постмодернизм утверждает, что исторические тексты не отображают реальности, а создают «образ реальности», «эффект реальности». Примерно также утверждают «новая философия истории» и отчасти «новая интеллектуальная история».

С нашей точки зрения, это крайности, которые следует элиминировать.

Действительно, историки изучают прошлое преимущественно с помощью текстов. Но ведь и физики, ставя эксперименты, используют приборы. Однако ни одному физика не придет в голову задавать вопрос о том, *что* познаётся: реальность или прибор? Он уверен, что прибор есть только средство познания, посредник между ним и объектом. В конечном счете, несмотря на известные особенности, текст для историка является таким же «прибором» для познания прошлого. Исторический разум не хочет быть запертым в «тюрьму языка» (Ницше) или текста. Он стремится выбраться из этой тюрьмы, «ухватиться за мир по ту сторону языка» [1, с. 6].

Еще М. Вебер видел трудность постижения истины в социально-гуманитарных науках в том, что знание здесь тесно связано с субъективными, ценностными предпосылками исследователя, с его личностью в целом. Вебер отвергал механическое перенесение естественно-научной модели объективности на социальное познание, без учета специфики его предмета.

Ученый указывал, что трудность достижения объективности в социальном познании состоит в

следующем: «...отсутствие возможности открытого обмена мнениями со своими оппонентами, неразвитость политической и методологической культуры, «фантазии и партийная ограниченность», психологические барьеры, отсутствие (или затруднение) доступа к практически политическим проблемам у исследователей, невозможность полного устранения их оценочной позиции по отношению к чисто теоретическим вопросам, их неизбежная тенденциозность, отсутствие критичности, некомпетентное государственное вмешательство в сферу науки и ряд других факторов» [2].

Вебер полагал, что нравственные, политические, эстетические предпочтения исследователя должны оставаться за пределами его научного исследования. Свои оценки ученый может давать как частное лицо, не от лица науки.

Короче, наука должна быть свободна от оценки, согласно Веберу.

К. Поппер также считал объективность характерной чертой истины. Истина, по Попперу, это соответствие утверждения фактам. Он полагал, что во многих случаях мы можем достигать истины [4]. В этом нам может помочь критический метод.

Для объективного понимания человеческих действий Поппер предлагает применять ситуационную логику, «ситуационный анализ». Объективность понимания состоит в том, что мы видим, как поведение объективно соответствует ситуации. Мы должны отличать ситуацию, которая была на самом деле, от той, какой ее видел действующий или познающий субъект.

Поппер утверждал, что «реконструкция ситуации может быть настоящим историческим событием. Она может объяснить какой-нибудь до того не объясненный аспект истории, и она может быть подкреплена новыми данными, например может улучшить понимание нами некоторого документа, быть может, привлекая наше внимание к каким-то ранее не замеченным и не объясненным намекам в нем» [5].

Поппер предостерегал от смешения истины и критерия истины. Истина, по его мнению, есть цель, идеал, а вот единого, универсального критерия истинности у нас нет.

Современный американский философ А. Мегилл также утверждает, что в последнее время многие исследователи приходят к выводу об изменчивости значения того, что есть «объективность». Он полагает, что понятие «объективность» остается «загадкой». По сути, утверждает Мегилл, объективность не есть единый концепт, а множество таковых. И их нельзя свести к одному базовому.

«Часто легче сказать, чем не является объективность. Например, Т. Хаскелл понимает объективность как то, что не является нейтральным: Хаскелл дистанцируется от понимания объективности через достижение такой точки зрения, которая была бы совершенно независима от мира человеческих желаний и пристрастий... Выдвигая на первый план идею о том, что объективность и нейтральность не должны отождествляться, Хаскелл подразумевает, что приверженность к объективности не исключает приверженности к политической или любой другой позиции. Напротив, по мнению Хаскелла, объективность скорее всего наиболее различима именно в тех случаях, когда историк имеет “твердые политические убеждения”» [5, с. 362].

Короче говоря, объективность вполне совместима, например, с политическими убеждениями историка.

В таких случаях историку важно определить меру своей отрешенности от своих предпочтений.

«Другая вещь, которой объективность не является, – “взвешенность”, несмотря на то что в современном дискурсе объективность и взвешенность часто понимаются как тесно связанные, если не равнозначные понятия» [5, с. 363].

Здесь объективность приравнивается к нейтральности при оценке разных точек зрения. Но могут ли быть равновероятны, приемлемы все точки зрения, даже заведомо ложные или глупые?

Сам Мегилл «требование объективности» определяет как претензию на «обладание когнитивной или эпистемологической значимостью» [5, с. 368]. Философ намечает четыре основных типа объективности: «Во-первых, – пишет он, – мы выделяем философский, или абсолютный, тип объективности. Этот тип имеет своими корнями традиции современной философии, начиная с Декарта; он тесно связан (хотя и не идентифицируется) с идеей того, что познающие субъекты обязаны (говоря словами Рорти) “представлять вещи такими, как они есть на самом деле”. Приверженцы идеи абсолютной объективности стремятся к такому знанию, которое бы полностью отражало действительность и не испытывало бы ни предвзятости, ни пристрастий, ни искажений. Кроме этого, они полагают, что все добросовестные исследователи неизбежно должны прийти к одному набору репрезентаций, и там, где это не происходит, они склонны

подозревать присутствие некомпетентности или лжи (или и того и другого). Второй тип – дисциплинарная объективность – уже не предполагает тотальной конвергенции, но берет за стандарт объективности консенсус в конкретном исследовательском сообществе. Третий тип – интеракционный, или диалектический. Он исходит из того, что объекты становятся объектами в ходе взаимодействия между субъектом и объектом; следовательно, в отличие от абсолютного и дисциплинарного типов, диалектический оставляет место для субъективности познающего. Наконец, процедурный тип объективности ориентируется на практику имперсонального метода исследования. Здесь настороженность в отношении субъективности, характерная для абсолютного и дисциплинарного типов, абстрагируется от убеждения о том, что исключение субъективности с неизбежностью приводит к достижению истины. Стоит отметить, – продолжает Мегилл, – что процедурный тип объективности не существует в виде устойчивой ориентации в историческом исследовании и историописании» [3].

В реальности последние три типа объективности в чистом виде не существуют, а абсолютная объективность – прерогатива Бога.

Литература

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Ф.Р. Анкерсмит – М. : Европа, 2007. – С. 291.
2. Кохановский В.П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук (формирование, особенности и методология социального познания). – Ростов н/Д : Феникс, 2005. – С. 320.
3. Мегилл А. Историческая эпистемология : научная монография / А. Мегилл; пер. М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимонина. – М. : Канон+: РООИ «Реабилитация», 2007. – С. 349.
4. Поппер К. Логика и рост научного знания : избранные работы. – М. : Прогресс, 1983. – С. 388.
5. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – С. 185.
6. Порус В.Н. Эпистемология: некоторые тенденции // Вопросы философии. – 1997. – № 2. – С. 95, 101.
7. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. – М., 2008. – С. 240.
8. Шлыков В.М. Философия. – М. : РосНОУ, 2004.